

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Криминальный

сезон

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Макеев, Алексей Викторович.
М15 Криминальный сезон / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. —
288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-095712-5

Убит помощник режиссера экспериментально-го театра, по совместительству тайный финансист Руслан Бойцов. Что это — месть махинаторов, не поделивших бюджетные деньги, или бытовое ограбление? Расследование поручено полковнику МВД Льву Гурову. Внимание сыщика привлекает приглашенный из Самары режиссер Голубев. Оттуда же и все музыканты театра. Возможно, это совпадение, но Гуров в случайности не верит. Он едет в Самару и там, используя свою врожденную хитрость и богатый оперативный опыт, узнает подробности, благодаря которым у него появляется ошеломляющая версия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-095712-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

— Не понимаю я этого. Чего это они все... как наизнанку вывернутые.

— Перестань, Лева! Не будь занудой. Если ты не разбираешься в современном искусстве, просто смотри и наслаждайся красотой.

— Судовольствием. Осталось только отыскать ее здесь.

Пренебрежительно усмехнувшись, Гуров перешел от художественного полотна под названием: «Страсть, сагиттальный разрез» к картине «Человек-графин».

Посетить выставку современного искусства соблазнила жена. Наслушавшись восторженных отзывов о деятельности творческой мастерской «Панорама», она посчитала своим долгом составить собственное мнение о проектах этого объединения.

Объединение было молодым, креативным и стремительно набирало популярность. Базой для его образования стал один из столичных театров. С приходом нового художест-

венного руководителя в жизни театра произошли коренные изменения, и удручающая пустота в зрительных залах начала постепенно заполняться.

Виталий Берестов, новый худрук, стал активно приглашать молодых и талантливых, не обращая особого внимания не только на послужной список, но даже на область искусства, в которой тот или иной талант творил.

В результате такой политики поднадоевший классический репертуар потеснили продвинутые эксперименты новичков, а к «основной деятельности» театра по постановке спектаклей добавилось еще несколько дополнительных направлений.

Берестов выделил помещение для проведения художественных выставок, открыл музыкальную студию и организовал своеобразный факультатив под названием «Сюрпризы малой сцены», где могли развернуться совсем уж отчаянные и не признающие условностей.

Эти несколько подразделений и входили в состав объединения под названием «Панорама», творческая мастерская Виталия Берестова».

Время от времени, собирая все эти разнородные группы воедино, он устраивал искрометные перформансы, быстро получившие известность среди столичной богемы и ставшие популярными.

— Надо будет сходить как-нибудь, — говорила Мария, рассматривая картины. — А то уже вся Москва обсуждает, а мы даже не видели ни разу, что там происходит.

— Это уж без меня. — Выражение лица Гурова было непреклонным. — С меня хватит и шедевров живописи.

— Ты, Лева, ретроград, — не сдавалась Мария. — Лилечка Белова ходила с мужем, говорит, ему очень понравилось. А уж такого ископаемого, как муж Лилечки, нужно еще поискать. Он работает бухгалтером, помнишь, я рассказывала тебе?

— Про мужа Лилечки? Нет, не помню.

Минут через сорок в выставочном зале почти не оставалось картин и скульптур, которым Мария не уделила бы своего внимания. Гуров втайне ликовал, предчувствуя скорое освобождение из плена чужой изобразительной фантазии, как вдруг почтеннейшей публике объявили, что в виде бонуса художественную выставку будет сопровождать выступление музыкального коллектива.

Мария очень обрадовалась и сказала, что они должны обязательно остаться и послушать.

Получив вдобавок к экспериментальной живописи порцию экспериментальной музыки, Гуров проклял все на свете и закаялся посещать культурные мероприятия до конца дней.

Он еще не знал, что снова отправится в «Панораму» уже завтра.

Следующий рабочий день Гурова начался в СИЗО. Он допрашивал задержанных по делу об ограблении сети ломбардов и на традиционную утреннюю планерку не попал.

Около одиннадцати часов, входя в Управление, он лоб в лоб столкнулся со спешившим куда-то Крячко.

— О! Иваныч! — бодро воскликнул тот. — Где пропадаешь? Начальство уже измучилось в ожиданиях. Орлов, наверное, все глаза проглядел, у окошка сидя.

— Что там опять? — нахмурил брови Гуров.

Он знал, что генерал Орлов «мучится в ожиданиях» только в одном случае — когда на повестке дня возникает очередной «дипломатический глухарь», который некому поручить, кроме «настоящего аса» и «живого примера для молодых» полковника Гурова.

— Не знаю, мне он не рассказывал, — откликнулся Стас. — Наверное, что-то неприятное случилось. Из ряда вон. Больно уж выражение лица у него с утра озабоченное. Иди, успокой руководителя. Скажи, что трудности тебе нипочем, и любую проблему ты разрулишь просто «на раз». Пускай чело его прояснится. А то я хотел отпуск на недельку взять, а когда он в таком настроении, нет смысла даже разговор заводить.

— Спасибо, друг. Ты, значит, в отпуск, а я должен оставаться здесь, проблемы «на раз» разруливать. Благодарю, не ожидал.

— Да ладно тебе. Взаимопомощь и взаимовыручка — первое доказательство искренней дружбы. Сегодня ты мне поможешь, завтра — я тебе.

— Это да. Только у меня такое ощущение, что у нас все время — «сегодня».

Подходя к кабинету генерала, Лев приблизительно уже представлял себе, что сейчас услышит. «Деликатное дело», «особенный случай», «тебе-то, с твоим опытом» — подобные дипломатичные выражения или их вариации Орлов всегда пускал в ход, если нужно было объяснить, почему до предела загруженный полковник должен взять в разработку еще одно «небольшое дельце».

Но услышать ему пришлось нечто совсем неожиданное.

— Послушай, Лева, как ты к современному искусству относишься? — после первых приветствий поинтересовался Орлов.

— Нежно, — сразу нахмурившись, угрюмо выдавил из себя Гуров.

При одном воспоминании о вчерашней музыкально-художественной попытке у него началась мигрень.

— Правда? — подозрительно взглянул Орлов. — А чего это у тебя физиономию перекосило?

— Так, взгрустнулось. Почему тебя мои предпочтения в искусстве вдруг заинтересовали?

— А ты как думаешь?

— Да уж не знаю, что и думать. Если начальник Главка МВД заводит речь об искусстве, значит, стряслось что-то по-настоящему важное. Из Третьяковки украли сторожей?

— Почти. Из госбюджета уводят средства, выделенные на развитие культуры.

— Снова бухгалтерия? А Следственный комитет этой проблемой не может заняться?

— А он и занимается. Довольно давно и очень плотно. И, судя по тому, как стремительно стали развиваться события, даже довольно успешно. Вчера вечером к «бухгалтерии» прибавилась «мокруха», история закручивается не по-детски.

— Вот оно что. Судя по тому, что я сейчас здесь, с «мокрухой» придется разбираться мне?

— Угадал. Дело выделили в отдельное производство и передали нам.

— Боятся, что сами не справятся? — усмехнулся Гуров.

— Не то чтобы очень уж боятся. Просто обстоятельства неоднозначные. Не прослеживается четкая связь между этим убийством и проверками. Официальная версия — ограбление. Вчера вечером эти культурные деятели отмечали что-то в ресторане «Ковчег»,

может быть, знаешь. Он там, кажется, недалеко от этого театра. Посидели, выпили, все как полагается. Потом один вышел взять что-то из машины и больше не вернулся. Местность там живописная, деревья вокруг, насаждения. Вот, похоже, из этих насаждений и выскочил «сюрприз». В общем, не успел тот дверцу открыть, как получил ножевое ранение в живот. На лице тоже гематомы, видимо, результат обмена предварительными «любезностями». Пырнули ножом, забрали бумажник и исчезли. Кто, что, зачем и почему — неизвестно. Полный ноль. Друзья его, те, что в ресторане в это время праздновать продолжали, догадались не сразу. Пока обеспокоились, пока сообразили... В общем, до больницы он не дотянул.

— А кто он-то? О каких деятелях речь?

— Ах да, я же не сказал. Речь о некоем очень творческом объединении под названием «Панорама». Оно появилось не так уж давно и стремительно стало набирать обороты. Фестивали, выставки, всевозможные культурные акции. Популярность их растет с каждым днем, ты, может быть, даже сам...

— «Панорама»?!

От одной мысли, что придется вернуться в знакомый выставочный зал, Гурову стало нехорошо.

— А нельзя это дело Стасу поручить? У него сейчас как раз...

— Нельзя, — отрезал Орлов. — Ты же знаешь его манеру — что на уме, то и на языке. Ляпнет что-нибудь, не подумав, расхлебывать потом замучишься. Дело это деликатное, политическое, можно сказать. Здесь с умом нужно. И с осторожностью. Потерпевший этот тоже на заметке состоял. Не исключено, что был одной из основных фигур, осуществляющих махинации. Так что не все так однозначно.

— Предполагается, что убийство связано с его причастностью к аферам?

— Именно это и предстоит тебе выяснить. Может быть, и так, а может быть, нет. Непонятно. Убить человека за бумажник, это тоже, знаешь ли... А с другой стороны, внутри этой тусовки тоже вроде бы никаких враждебных партий не прослеживалось. Наоборот, все стоят друг за друга горой, коллективные письма пишут, что такое внимание со стороны органов — не что иное, как проявление государственной цензуры по отношению к их свободному художеству и стремление задавить. Кому бы они нужны были... В общем, с мотивами здесь нюансы.

— Понятно. Получается, что основных направлений — два. Либо напали на него действительно только для того, чтобы отнять бумажник, и тогда это дело — стопроцентный «глухарь». Либо парня заказал кто-то из сво-

их, внешне его очень любящих, и тогда это — «глухарь» 99-процентный.

— Приблизительно так, — бодро подтвердил Орлов. — А поскольку ты у нас ведущий специалист по «глухарям», тебе и карты в руки. Скооперируйся с коллегами из Следственного комитета, посмотри, чего они там нарыли, может, их материалы дадут какую-то наводку. Да и с коллективом пообщаться, разумеется, не помешает. Благо, предлог есть. Ведь официальная версия — ограбление. Вот отсюда и пляши. Расспроси, кто что видел, кто что слышал, что сами они обо всем этом думают. А под этим соусом и... В общем, не мне тебя учить.

— Как зовут убитого?

— Руслан Бойцов. По должности он — помощник режиссера, ведь «Панорама» создана на базе театра. Но по влиянию, если я правильно понял, был не ниже зама директора. Фигура не из последних. Поэтому и под дознание попал в первую очередь. Имел возможность «рулить». Причем чужими руками. Бумажки-то не он подписывал, только, так сказать, идейно вдохновлял. Я уже сказал, что ситуация неоднозначная, как хочешь можно ее трактовать. А наша с тобой задача — выяснить, как там все было на самом деле. Осторожно, тактично. Чтобы и дело сделать, и никого раньше времени не спугнуть. В общем, как ты это умеешь. Уяснил?

- Уяснил.
— Действуй.

Из кабинета начальника Гуров вышел в отвратительном настроении, какого не испытывал давно. Перспектива погружения в хитросплетенные интриги столичной богемы не вызывала ни малейшего оптимизма. А мысль о том, что это погружение неизбежно будет сопровождаться уже знакомым музыкальным и художественным оформлением, и вообще приводила в уныние.

Но, собрав волю в кулак, он спустился к машине и взял курс на ресторан.

Ресторан «Ковчег», где произошли вчерашние трагические события, находился в двух шагах от «Панорамы», и, возможно, поэтому «культурные деятели», упомянутые Орловым, были в нем завсегдатаями.

Прежде чем являться как официальное лицо и начинать задавать вопросы, Лев решил провести небольшую «разведку боем» и посетить ресторан инкогнито. Часы показывали четверть первого, самое время пообедать.

Здание, в котором располагался ресторан, представляло собой переделанный старинный особняк. Оно стояло в окружении густо разросшихся деревьев, большинство из которых были ровесниками дому, и своей обособленностью действительно напомина-

ло ковчег, плывущий по бескрайней пустыне океана.

Припарковавшись на небольшой стоянке для посетителей, Гуров осмотрелся.

Если верить рассказу Орлова, «сюрприз» выскочил на Руслана Бойцова из-за кустов, и сейчас, обводя взглядом плотную зеленую ширму, окружавшую и парковку, и подходы к ресторану, Гуров убедился, что в предположении этом есть свой резон.

Даже сейчас, ясным августовским днем, среди густых крон вполне можно было спрятаться. А уж поздно ночью это и вовсе не составляло труда.

Подняв голову, он увидел фонари, но их наличие только дополнительно подтверждало его выводы. Искусственное освещение на площадке с автомобилями наверняка создавало резкий контраст, делая ночной мрак за ее пределами еще более непроницаемым.

«Понятно, что те, кто сидел там, в засаде, Бойцова видели прекрасно, — думал полковник. — А сам он увидеть их не имел даже шанса. Попробуй-ка из освещенной комнаты разглядеть ночью в окно, что творится на улице. Ничего не выйдет. Сначала нужно выключить свет. А для Бойцова свет выключить было некому».

То, что нападение оказалось полной неожиданностью для Руслана Бойцова, было очевидным. Вопрос в том, насколько это